

32. Наставление по составлению и подготовке к изданию карты масштаба 1:1000000. М., 1951.
33. Наставление по составлению и подготовке к изданию топографической карты масштаба 1:1000000. М., 1971.
34. Руководство по составлению и подготовке к изданию топографической карты масштаба 1:1000000. М., 1985.
35. Основные положения по содержанию топографических карт масштабов 1:25000, 1:50000, 1:100000, 1:200000, 1:500000 и 1:1000000. М., 1976; М., 1977.
36. Основные положения по созданию и обновлению топографических карт масштабов 1:10000, 1:25000, 1:50000, 1:100000, 1:200000, 1:500000, 1:1000000. М., 1984.

А. А. КАСЬЯН, С. М. ПОНОМАРЕВ

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ЭХО ВЕЛИКИХ ПОТЯСЕНИЙ:

Г. С. Горелик в Горьковском университете*

Г. С. Горелик. 1950-е гг.

Идеологические дискуссии в советской науке конца 40-х — 50-х гг. XX в. достаточно обстоятельно проанализированы в современной литературе. Помимо главных дискуссий (по философии, биологии, лингвистике, физиологии, политической экономии), «в течение 1947–1952 гг. были проведены десятки аналогичных мероприятий и в других научных дисциплинах... По своему масштабу они бывали солидными (как, скажем, всесоюзная конференция) или скромными (например, институтское собрание, на котором обсуждалась книга или учебник)» [1, с. 28].

Одним из таких «мероприятий» было обсуждение в Горьковском государственном университете (ГГУ) преподавания физики. Исторические и методологические проблемы физики и их отражение в педагогической деятельности — вот главная тема проходивших в то время дискуссий на радиофизическом и физико-математическом факультетах ГГУ. В центре обсуждения оказались кафедра общей физики и ее заведующий — Г. С. Горелик.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-03-04212). Авторы выражают благодарность участникам проекта Б. В. Булюбашу и В. М. Фридману за конструктивную дискуссию и помощь в подготовке статьи.

Габриель Семенович Горелик — доктор физико-математических наук, профессор, работал в нашем городе с 1938 г. по 1953 г. Этот ученый принадлежит к первой когорте тех, кого называют крупнейшими учеными-нижегородцами. Достаточно сказать, что в вышедшей в 1988 г. в Нижнем Новгороде книге «Выдающиеся ученые» имя Г. С. Горелика стоит в одном ряду с именами таких корифеев отечественной науки, как А. А. Андронов, С. С. Четвериков, С. И. Архангельский [2].

Развитие науки, в частности физики, происходило в нашей стране в весьма специфических мировоззренческом и идеологическом контекстах. Эта сторона дела основательно проанализирована в книге А. С. Сониной [3]. На страницах этой книги имя Г. С. Горелика упоминается в третьей главе «Послевоенные годы» (раздел «Персональные дела»). Речь в этом разделе идет о личных историях философского и идеологического характера, имевших место с советскими физиками в конце 40-х — начале 50-х гг. Среди таких «персональных дел» — «дело» С.Э. Хайкина. В 1940 г. вышло первое издание его «Механики», а в 1947 г. книга была переиздана. В печати и на различных научных форумах развернулась достаточно оживленная и представительная дискуссия об историко-научных и философско-методологических аспектах этого труда. Кульминацией этой дискуссии была публикация в 1950 г. на страницах журнала «Успехи физических наук» подборки материалов, куда вошли: статья С. Г. Суворова и Р. Я. Штейнмана «За последовательно-материалистическую трактовку основ механики»; обзор откликов «К обсуждению книги С. Э. Хайкина “Механика”»; письмо в редакцию С. Э. Хайкина «О методологических недостатках моего учебника “Механика”», а также редакционный комментарий к нему [4].

Среди многих откликов (причем не все из них носили осудительный характер) был отклик из г. Горького, представленный редакцией журнала следующим образом: «Кафедра общей физики Горьковского университета (завкафедрой профессор Г. С. Горелик) в своей рецензии отмечает ряд философских ошибок в учебнике проф. С. Э. Хайкина» [4, с. 481]. И далее следует кафедральный текст:

В учебнике нет определения предмета физики, не сформулированы методы физики — роль теории и практики и их взаимодействие, обойдена формулировка (понятия) материи как объективной реальности. В связи с этим неизвестно, на каком фундаменте основываются рассуждения о замене реального объекта идеализированной схемой... На основании книги Хайкина может создаться представление, что предметом физики является не реальный объект, а идеализированная схема... У автора не сформулировано четко, что всякий физический закон является отражением действительности... В книге Хайкина нет разоблачения идеалистической точки зрения и разъяснения правильной, материалистической точки зрения на пространство и время... Он умалчивает о многих крупнейших достижениях русских ученых в области механики [4, с. 481].

Трудно сейчас судить о том, почему на свет появился этот отзыв, почему он был опубликован, кто являлся инициатором его написания и кто автором текста, были ли отзывы из других вузов? Вопросы можно продолжать. Но методология, проявившаяся в этом историко-научном эпизоде, вскоре обернулась против самого заведующего кафедрой общей физики ГГУ в событиях, происходивших уже в г. Горьком.

В истории тех лет, если говорить о персоналиях, не всегда представляется возможным выделить и однозначно назвать гонимых и гонителей, обвиняющих и обвиняемых, ретроградов и новаторов, подлинных ученых и тех, кто следовал псевдонаучному идеологизированному подходу. Они часто менялись местами, и часто суждения (и даже одни и те же) одного и того же человека трактовались по-разному, служили обоснованию противоположных позиций. И не по линии «философы — физики» надо вести водораздел между прогрессивным и реакционным в науке, наукой и идеологией. Несмотря на декларируемое единомыслие, ученые-физики могли иметь различные мировоззренческие позиции, философские взгляды. Не все философы были однозначны в своих суждениях и оценках. Поэтому двумерная система оценок (плохой — хороший, праведник — грешник и т. п.) очень упрощенно трактует ситуацию, неадекватна той многомерной социальной реальности, которая является предметом осмысления социальной истории науки. Мир оказывается сложнее, чем это представляется сторонникам поисков простых ответов на сложные вопросы.

Так, Г. С. Горелик сам вскоре превратился в гонимого. Правда, об этом в фундаментальной работе А. С. Сониной нет упоминаний. Все, что там анализируется, происходило в Москве, Ленинграде. Российская провинция оказывалась как бы «за скобками» социальной истории советской физики. А в провинции было немало интересного. Причем происходившее не всегда совпадало, иногда не было тождественно тому, что имело место в столичных пределах. И это сравнение часто не в пользу столиц.

Введением в ситуацию может служить книга М. А. Миллера «Избранные очерки о зарождении и взрослении радиофизики в горьковско-нижегородских местах» [5]. В аннотации к книге в качестве одного из элементов ее сюжетной линии выделяются «идеологические битвы, реабилитация колебаний и волн» [5, с. 2]. Один из очерков книги посвящен рассмотрению этого вопроса. М. А. Миллер отмечает некий элемент неопределенности, присутствующий в его тексте: история «о поругании колебаний и волн на радиофизическом факультете» началась, «наверное, с получения директивы из Центра» [5, с. 139]; «на Горький спустилась очередная внеочередная директива» («а может, и не окрик, а может быть — намек»); «у меня нет под рукой той осуждающей Хайкина резолюции кафедры» [5, с. 140]; «учинились два или три сборища всего преподавательского состава радиофизического факультета» [5, с. 143] и т. д.

Изучение «истории с Гореликом» требует обращения к документам, их анализа, комментариев по отношению к тому образу происходивших событий, который предстает во всей совокупности исходных материалов и свидетельств. Обратимся к документам.

Началом дискуссии по историческим и методологическим аспектам физики в г. Горьком можно считать обсуждение на Ученом совете университета вопроса «О работе кафедры общей физики» (май, 1950 г.). Надо сказать, что сами по себе постановка и рассмотрение подобного вопроса достаточно традиционные события в жизни любого высшего учебного заведения. Так, примерно в это же время Ученый совет ГГУ рассматривал вопрос «Об идейно-теоретическом уровне работы кафедры органической химии» (в качестве докладчика выступал заведующий кафедрой Г. А. Разуваев — впоследствии действительный член АН СССР). При обсуждении доклада Г. С. Горелика затрагивались

обычные вопросы для такого рода события: научный потенциал кафедры и перспективы развития, специфика преподавания физики на различных факультетах, методическое обеспечение учебного процесса, лабораторная база и т. д. Обращалось внимание в некоторых выступлениях и на идейно-политические аспекты преподавания физики. В постановлении Ученого совета, в частности, было отмечено:

В работе кафедры общей физики имеются крупные недостатки. Идейно-теоретический уровень ряда лекций недостаточен. В лекциях ряда преподавателей (Горелик, Любина, Малицкий) принципиальные вопросы физики не рассматриваются в свете марксистско-ленинской философии, или же в изложении философских вопросов допускаются ошибки, не дается критика реакционных теорий по ряду вопросов методологического порядка в области физики [6, л. 181].

Исходя из этого Ученый совет постановил:

Обязать зав. кафедрой физики проф. Горелика и преподавателей кафедры физики повысить идейно-теоретический уровень лекций. В этих целях организовать обсуждение основных методологических вопросов физики на заседаниях кафедры, обсуждая тексты и стенограммы важнейших тем лекций [6, л. 182].

Кроме того, было предложено «декану радиофизического факультета т. Николаеву и зав. кафедрой проф. Горелику организовать научный семинар по методологии преподавания физики и по физическим проблемам» [6, л. 191].

Вскоре после заседания Ученого совета в двух номерах университетской газеты «За сталинскую науку» (26 мая и 2 июня 1950 г.) появилась статья профессора В. Ф. Котова под названием «Против идеалистических извращений в преподавании физики», состоящая из двух разделов: «Материя исчезает, остаются волны?» и «“Новая” классификация наук профессора Горелика» [7]. Эти заголовки говорят сами за себя. Автор статьи действовал в рамках определенной парадигмы, в рамках определенной «системы координат», утверждавшей единственно верную философию – диалектический и исторический материализм, требовавшей неукоснительного соблюдения ее принципов, даже каравшей (тем или иным образом) за отступления от них. Он не был творцом этого порядка вещей. Но при этом дело заключается в том, чтобы принципы и содержание парадигмальной доктрины адекватно отражались их носителем, не просто декларативно провозглашались, а постигались в своей сущности. Необходимо также адекватная трактовка анализируемой теории. Оба эти требования не выполняются автором статьи. Результат анализа с теоретической точки зрения оказывается предрешенным.

После летних каникул, в начале нового учебного года, в двух номерах (15 сентября и 25 сентября 1950 г.) той же газеты была опубликована ответная статья Г. С. Горелика «За широкое творческое обсуждение вопросов преподавания физики». В ней прежде всего выражено отношение Ученого совета к оценке работы кафедры, тем замечаниям, которые были высказаны. «Основной недостаток — и с этим согласился коллектив кафедры — все еще недостаточно высокий идейно-теоретический уровень преподавания. Весь коллектив кафедры старается освещать преподаваемый предмет с позиций диалектического материализма, но мы еще мало сделали в отношении конкретной, творческой разработки с этих позиций затрагиваемых нами вопросов физики».

Правда, «дело это — трудное, так как до сих пор отсутствуют учебники и лекционные курсы, содержащие образцы творческого применения философии диалектического материализма к конкретным вопросам, возникающим в процессе преподавания физики» [8]. Добавим, что последний момент актуален и для нашего времени. Можно обобщить, расширить это суждение, имея в виду не только диалектический материализм, но и философию в целом. Применение философских идей к конкретным вопросам физики, науки вообще, и сегодня остается задачей, далекой от окончательного решения. Такое решение, впрочем, и не может быть достижимо. Далее в статье фиксируются аргументы В. Ф. Котова. Каждый из них специально рассматривается и получает убедительное опровержение. Следует отметить высокий уровень философской культуры Г. С. Горелика (в тех аспектах философии, которые были предметом обсуждения). Его философские взгляды гораздо ближе к философии диалектического материализма, нежели взгляды его оппонента. Не Г. С. Горелик начал полемику, он был защищающимся, обороняющимся. Наступательная позиция — у В. Ф. Котова, обвинявшего заведующего кафедрой общей физики от имени марксистской философии в отступлении от нее. На самом же деле деформация марксистской философии, ее упрощение, вульгаризация, искажение были характерны как раз для обвинителя, а не для того, кто подвергся проработке.

Обращение в полемике к авторитету марксистской философии, которая в то время носила государственный характер, официально трактовалась как вершина в развитии мировой философской мысли, выступала в качестве фундамента строительства нового общества, было обычным явлением советского периода нашей истории. Но такое обращение могло иметь и действительно имело различный характер. Оно могло быть корректным, адекватным сути этой философии, методологически правильным, но могло носить и иной характер — быть некомпетентным, неадекватным сути дела, искажающим содержание аргументационной базы и т. д. Именно последний случай характерен для В. Ф. Котова, что следует из анализа его статьи, проведенного Г. С. Гореликом, а также из ее современного анализа с позиций объективности, стремления максимально адекватно отразить имевшую место ситуацию.

После газетных публикаций обсуждение продолжалось в другой форме. Состоялось объединенное заседание Ученых советов радиофизического и физико-математического факультетов, посвященное обсуждению вопросов преподавания физики (отражения в педагогическом процессе методологических аспектов физики). Вопрос рассматривался на заседании партийного бюро университета. Итоговые решения нашли отражение в редакционной статье газеты «За сталинскую науку», опубликованной 23 декабря 1950 г. под названием «К итогам дискуссии по вопросам преподавания физики». Содержание статьи не оставляет сомнения, что руководящие университетские инстанции поддерживали в дискуссии обвиняющую, прорабатывающую сторону. В то же время организационные выводы носили достаточно спокойный характер, были традиционными для того времени, не имели персонифицированного характера («необходимо рассмотреть», «включить в свои планы» и т. д.). Кроме того, отмечалось как положительное значение дискуссии, так и недостатки в ее проведении. Некоторые моменты представляют собой не только исторический ин-

терес, имеют не только знаковый характер для того времени, но значимы и для сегодняшнего дня. Это — значение критики и самокритики в процессе образовательной деятельности, методологическая наполненность содержания физического образования, необходимость диалога специалистов-физиков и философов-профессионалов в рассмотрении методологических проблем физики. В целом обсуждение вопросов преподавания физики было достаточно щадящим для объекта критики, в качестве которого выступал не столько заведующий кафедрой общей физики, а кафедра как таковая, кафедра в целом. Так завершился первый этап дискуссии, где обсуждались методологические аспекты содержания физического образования, реализуемого кафедрой общей физики ГГУ. Исторические аспекты (в форме вопроса о вкладе отечественной физики в мировую науку) пока были за рамками всех обсуждений. Критика не носила «точечного» характера, т. е. не велась вокруг одной (единственной) личности, вокруг определенного научного текста.

В дальнейшем дискуссия оказалась локализованной и велась вокруг книги Г. С. Горелика «Колебания и волны» [9], вышедшей в свет в Москве в Государственном издательстве технико-теоретической литературы осенью 1950 г. (объем 50 п. л., а тираж 10 000 экз.). Появление этой работы было значительным событием в отечественной науке. Не случайно она была выдвинута Ученым советом Горьковского исследовательского физико-технического института при ГГУ на соискание Сталинской премии 1951 г. В это же время произошло политическое событие, которое далеко выходило за рамки методологических проблем физики. Имеется в виду награждение в 1951 г. Г. С. Горелика орденом Трудового Красного Знамени. На время философия осталась в стороне! Но только на время.

В ноябре 1951 г. состоялось собрание партийного актива г. Горького с повесткой дня «О состоянии и мерах перестройки работы вузов города в свете труда товарища Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”». В докладе секретаря горкома ВКП (б) М. П. Тузова утверждалось, что в университете

в дискуссии по вопросам физики — об идеологических ошибках в преподавании физики — крупные ученые Андронов, Грехова, Гинзбург, работники кафедр социально-экономических наук не приняли участия, не высказали свое мнение и не помогли разобраться в ошибках Горелика и других работников кафедры. Не возглавили эту дискуссию партбюро и ректорат университета, поэтому дискуссия не дала должного эффекта, и ошибки Горелика продолжают повторяться. А профессор Горелик в статье, помещенной после дискуссии, вновь отстаивал свои неправильные взгляды и дал отповедь профессору Котову, положившему начало дискуссии. Партбюро и ректорат (т. Мельниченко) не возглавили критику, не довели дело до конца, не организовали и не дали правильной политической оценки всей ответственностью университета ошибкам Горелика [10, л. 17].

После этого выступления события нарастали весьма стремительно. В декабре в докладе на общеуниверситетском партийном собрании секретарь партбюро университета утверждал следующее:

В 1950 году были вскрыты космополитические и иные методологические ошибки в преподавании у профессора Горелика. Эти ошибки обсуждались на заседании советов физико-математического и радиофизического факультетов. Ведущие про-

фессора этих факультетов Андронов, Грехова, Гинзбург отмошались при этом, а некоторые преподаватели (доцент Любина) даже пытались всячески защитить профессора Горелика. На этих же заседаниях было решено обсудить книгу профессора Горелика «Колебания и волны». Однако до сих пор по вине деканата радиофака (тов. Николаев) и ректората этого не было сделано. Более того, ректорат без решения Совета университета, без глубокого обсуждения решил рекомендовать книгу проф. Горелика «Колебания и волны» на соискание Сталинской премии [11, л. 253].

Вскоре следует заседание партийного бюро университета, где принимается решение провести обсуждение книги Г. С. Горелика, аналогичное решение принимает партийное собрание радиофака, а партбюро факультета утверждает план проведения дискуссии по книге (соответственно после проведения дискуссии партийные структуры университета подводят ее итоги).

Возобновляется дискуссия на страницах газеты «За сталинскую науку» (15 января 1952 г.), где публикуется статья заведующего лабораторией Научно-исследовательского института химии при ГГУ М. Второва «Материя исчезает — остаются уравнения» [12]. Прежде всего бросается в глаза резкий и нетерпимый тон этой статьи, даже по сравнению со статьей В. Ф. Котова, где все-таки соблюдаются некоторые академические нормы дискуссии. В статье М. Второва речь идет уже о книге «Колебания и волны». Публикация этой статьи, да и вся последующая дискуссия в ГГУ происходили как бы на излете тех идеологических дискуссий, которые имели место в советской науке в конце 40-х — начале 50-х гг. Все основные события уже свершились: приняты основные решения ЦК ВКП (б) и советского правительства по идеологическим вопросам, идеологические дискуссии по философии, биологии, другим наукам уже состоялись, закрыты «дело» М. А. Маркова и другие персональные «дела», в частности С. Э. Хайкина, прошли десятки заседаний оргкомитета по подготовке так и не состоявшегося Всесоюзного совещания по физике и т. д. Но идеологическое «эхо» доходит и до г. Горького и принимает форму разоблачения «волновой» философии профессора Г. С. Горелика, которого М. Второв обвиняет в том, что тот «ни на одной из 552 страниц своей книги слово материализм ни разу не упоминает». И далее следуют зубодробительные пассажи, имеющие характер даже не идеологических, а политических обвинений, например:

Почему проф. Горелик не считает нужным осуществлять одну из основных задач, возложенных на него партией и правительством, — воспитывать студенчество в духе непримиримости к растленной и гнусной буржуазной идеологии? Почему он написал аполитичный, беззубый учебник, который не потребует даже изменений для издания за границей? Позволительно спросить: разделяет ли проф. Горелик позиции диалектического материализма, признает ли ленинскую теорию познания, хочет ли вести борьбу против поповщины и фидеизма в современной буржуазной науке? [12].

Наконец, дело доходит до попытки содержательного анализа теоретических (философских, методологических) «ошибок» автора монографии. Но этот «анализ» продолжает линию обвинений в «физическом идеализме», а по сути дела реализует натурфилософский подход в современной физике.

Иной тон и иное содержание имеет статья доцента А. Бархатова «Допустима ли классификация физических явлений по типу уравнений?» (12 февраля

1952 года) [13]. Это действительно статья ученого, научного работника. Начало статьи — глубокое и серьезное рассуждение об абстрактном знании, его неполном и приближенном характере по отношению к объективной реальности. По сути дела автор здесь раскрывает содержание понятия, которое позднее будет названо галилеевским образом науки. Теоретическое рассмотрение вопросов о природе физической реальности, о специфике физического знания дополняется попыткой перенести обсуждение в педагогическую плоскость: «дело здесь, как можно видеть, не в какой-то новой “философии колебаний”, а в методической стороне вопроса». При этом отмечается, что книга «не обсуждает гносеологические вопросы, возникающие в связи с подходом к изучению явлений, .. в ней должна вестись активная борьба за материализм в науке» [13]. То есть автору книги инкриминируется то, что он не сделал, но мог и должен был, по мнению автора статьи, сделать. Критика — не только за то, что есть в книге, подлежащее критике, но и за то, что в книгу не включено определенное содержание. Этот мотив будет звучать и в дальнейшем.

Статья профессора В. Гинзбурга еще более терпима и имеет совершенно нейтральное название «О книге проф. Г. С. Горелика “Колебания и волны”» (14 марта 1952 г.) [14]. Можно сказать, что по характеру обсуждения проблемы, по его стилю она продолжает линию предшествующей статьи и в еще большей степени отвечает критериям объективности и научности. Статья В. Гинзбурга есть размышление не только о книге, выступающей предметом обсуждения, но и рассуждение по вопросам, поставленным другими участниками дискуссии. В самом начале статьи ее автор обращает внимание на три взаимосвязанных момента при оценке монографии, к тому же претендующей на статус учебного руководства, которые вполне значимы и для сегодняшнего дня. К ним относятся:

правильная методологическая направленность работы, доброкачественность и свежесть излагаемого в ней фактического материала и правильное освещение вклада отечественных ученых в рассматриваемую область науки [14].

По двум последним пунктам к содержанию книги «Колебания и волны» претензий нет: «В книге собран большой и ценный материал, важный для формирования современных специалистов-радиофизиков», что подтверждается рядом положительных рецензий в центральных изданиях. В. Гинзбург сосредоточивает внимание на методологических вопросах, выражая свое отношение к обсуждаемой книге и к ее оппонентам. Прежде всего — к М. Второву, который считает, что «Г. С. Горелик стоит на идеалистических позициях, что у него исчезает материя и остаются одни уравнения» [12]. По мнению В. Гинзбурга, содержание книги нейтрально по отношению к основному вопросу философии, представляет собой один из возможных подходов к изучению природных явлений. И «абсолютно недопустимо и вредно объявлять его идеалистическим». Ведь «подход к явлениям на основе единства закономерностей не только не исключает, но, напротив, предполагает ясное разделение явлений по признаку принадлежности их к качественно различным формам движения. Другими словами, оба подхода не противоречат, а диалектически дополняют один другого». Итоговый вывод гласит: «Я считаю, что эта книга не дает оснований обвинять ее автора в идеализме». Но это только промежуточный вывод.

Статья завершается замечаниями методологического характера, объединенными принципом — чего в книге нет.

Когда речь идет об учебном пособии, мало требовать, чтобы автор не допускал идеалистических ошибок и стоял на материалистических позициях. Можно и нужно требовать большего: активной борьбы за диалектический материализм, пропаганды великих идей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, критики идеализма и демонстрации на конкретном физическом материале плодотворности марксистской методологии. ... Всего этого в книге нет, что является ее существенным недостатком [14].

Практически одновременно с обсуждением книги в газете проходили заседания Совета радиофизического факультета ГГУ, на которых шла дискуссия, имеющая тот же предмет для обсуждения. Состоялись три заседания Ученого совета, на которых выступили около пятнадцати человек, подавляющее большинство из них — это ученые-физики. Несколько раз выступал Г. С. Горелик. На заседаниях присутствовали не только члены Ученого совета, представители руководящих структур, но и многие преподаватели, аспиранты, студенты университета и других вузов города, техническая интеллигенция. В ходе дискуссии выступали, в частности, ректор ГГУ профессор А. Н. Мельниченко, декан радиофака доцент Я. Н. Николаев, завотделом науки и вузов обкома ВКП (б) Н. Н. Миронов.

В содержательном плане обсуждение на Ученом совете во многом повторяло дискуссию на страницах университетской газеты. Принципиально новых идей и суждений высказано не было. Концентрированным выражением обсуждения явилось постановление Совета радиофизического факультета Горьковского университета «Об итогах обсуждения книги проф. Горелика “Колебания и волны”», опубликованное в газете «За сталинскую науку» 10 мая 1952 г. [15].

В постановлении дается положительная оценка работы:

Книга написана в форме доступной для широких кругов студентов физических специальностей и инженерно-технических работников, занимающихся вопросами акустики, оптики и радиотехники. В книге содержится разнообразный материал, в том числе и такой, который ранее в учебной литературе по общей физике отсутствовал. Таким образом, с точки зрения содержания фактического материала по конкретным вопросам физики книга является удовлетворительной [15].

Далее весь текст постановления посвящен критике книги. Критика совершенно не касается содержательной, чисто научной стороны вопроса, в ней не подвергается сомнению ее высокий научный статус, физическое содержание. Речь идет об ее идейно-теоретическом уровне и о том, что «она не отвечает всем требованиям, которые предъявляются к учебной литературе, предназначенной для студентов советской высшей школы» [15]. Если говорить более определенно, то в качестве ошибок идейно-теоретического характера отмечаются следующие. Первое — недооценка роли отечественной науки в развитии физики. Второе — отсутствие материалистической методологической основы при изложении и толковании физических знаний, стремление автора остаться в рамках «чистой» науки и предоставить читателю возможность самому делать философские выводы. Этому второму моменту уделено главное внимание в тексте постановления. Ведь «позиция автора остаться вне философии

объективно привела к тому, что из его формулировок, хочет он этого или нет, могут быть сделаны идеалистические выводы». На основании рассмотрения вопроса

Совет радиофизического факультета постановляет: 1). Книга проф. Горелика Г. С. «Колебания и волны» написана на низком идейно-теоретическом уровне, а поэтому не может быть рекомендована в таком виде, без соответствующей рецензии, в качестве учебного пособия для студентов. 2). Совет рекомендует проф. Горелику Г. С. произвести критический разбор основных недостатков и ошибок, имеющих в книге, и представить его на рассмотрение Совета к 1 сентября 1952 г. 3). Совет рекомендует декану радиофизического факультета доц. Николаеву Я. Н. организовать широкое разъяснение итогов дискуссии и настоящего решения среди студентов и научных работников факультета. 4). Совет осуждает поведение проф. Горелика Г. С. на заключительном заседании Совета 9 апреля 1952 г., когда он, признав, что в его книге есть крупные недостатки, вместе с тем встал на путь, недостойный советского ученого, и стремился опорочить тех, кто выступал с критикой недостатков, имеющихся в книге «Колебания и волны». Совет считает, что его выступление является попыткой зажима критики и проявлением аракчеевского режима в науке. Совет считает выпад проф. Горелика Г. С. по поводу преподавания социально-экономических дисциплин враждебным и недостойным советского ученого. 5). Совет обязывает всех зав. кафедрами всемерно разворачивать критику и самокритику по всем направлениям учебной и научно-исследовательской работы. 6). Совет выражает уверенность в том, что товарищеская критика книги «Колебания и волны» поможет профессору Горелику исправить отмеченные в книге недостатки и создать полноценное учебное пособие. Совет надеется, что коллектив кафедры общей физики сделает необходимые выводы из обсуждения книги и примет все меры для улучшения работы кафедры [15].

Таковы документы. Они не отражают атмосферы, царившей в зале заседаний. Некоторое представление могут дать выступления участников дискуссии. Большинство из них были достаточно корректными, они оставались в историко-научном и философско-методологическом контексте, почти не включали в себя идеологической и, тем более, политической риторики. Критика шла по линии тех двух

моментов, которые были отмечены в тексте постановления. То есть критика касалась историко-научных и философско-методологических аспектов проблемы. Пожалуй, только одно-два выступления были выдержаны в духе худших традиций вульгаризированной, догматической партийной пропаганды. Выступление самого Г. С. Горелика на заключительном заседании Совета было очень эмоциональным, полемичным, свободным и смелым. Обращаясь к ректору университета А. Н. Мельниченко и доценту кафедры истории КПСС В. П. Фадееву, он в самом начале своего выступления заявил, что будет их критиковать [16, л. 43]. Это выразилось, в частности, в оценке: «Все, что я слышал по физике у тов. Мельниченко, это просто было несерьезно и некомпетентно» [16, л. 46]. По отношению к декану радиофака Я. Н. Николаеву: «логический заскок» [16, л. 47], «некомпетентность» [16, л. 48], «провинциализм» [16, л. 49]. Вместе с тем в заключительной части выступления Г. С. Горелика — самокритичной, но и полной достоинства, есть моменты, соответствующие духу эпохи:

Товарищи члены Совета факультета! Я воспринял критику и сам пришел к убеждению, что в моей книге есть ряд недостатков. Основной и крупный недостаток, кото-

рый был указан мне, и я сам сказал об этом — это отсутствие в книге воинствующего материализма, продуманной, обоснованной борьбы за мировоззрение диалектического материализма. Я сказал, что я в своей деятельности стараюсь этот недостаток преодолевать. Вам предстоит принять решение о книге, являющейся результатом многолетней работы одного из членов вашего коллектива. В принятии решения я не могу участвовать, но имею моральное право обратить внимание ваше на всю ответственность. Есть две точки зрения. Первая. Книга имеет существенные недостатки, отсутствие в ней воинствующего материализма, но может служить пособием для студентов. И второй вариант ... он говорит о вычеркивании книги из нашего внимания. Подумайте, взвесьте с государственной точки зрения, принесет ли это пользу нашему преподаванию. Я не буду принимать участия в принятии решения, но мне хочется сказать, какое бы вы ни приняли решение, я хочу уйти с Совета без горечи и обид. Я благодарен всем товарищам за критику, имевшую целью поднять мою работу на более высокий уровень. Я чувствую себя полным сил и способен сделать многое для любимой Родины и поколения, которому предстоит творить науку и технику при коммунизме [16, л. 55].

Итак, публичная дискуссия фактически закончилась. Обсуждение книги, как в газете, так и на Ученом совете, выявило достаточно широкий разброс ее оценок. Их можно свести к двум основным вариантам — мягкому и жесткому. Обсуждение в газете, начавшееся с очень жестких публикаций, закончилось утверждением более мягкой позиции. Жесткий вариант возобладали при обсуждении вопроса на Ученом совете, что выразилось не только в его постановлении, но и в ключевых выступлениях декана радиофака и ректора ГГУ. Жесткий вариант включал в себя ту критику, которая принадлежала мягкому варианту, то есть содержала упреки автору книги за то, чего в ней нет (философских выводов, философской интерпретации физического материала). Но к этому дело не сводилось. Главное — это обвинение в том, что в книге есть то, чего в ней не должно быть — серьезные философские ошибки. Как заявил ректор университета А. Н. Мельниченко,

неправильно утверждение многих... товарищей, что главный и решающий недостаток книги Г. С. Горелика это то, что в ней нет или мало философской основы, нет воинствующего материализма... Главный порок книги Г. С. Горелика заключается в том, что в ней... мало естественно-научного материализма... У него много соскальзываний в разновидность физического идеализма, который известен под названием энергетизма [16, л. 38–39].

Такое «соскальзывание» проявляется в конкретной форме, а именно в том, что получает название «волновая философия» (В. Ф. Котов) или «философия колебаний» (А. Н. Бархатов). Эти философии строятся на основе высказываний (очень немногих) самого Г. С. Горелика, имеющих даже не философско-методологический характер, а относящихся к методологии физики. Например:

Существующее деление физики на механику, акустику, оптику, учение о теплоте, учение об электрических и магнитных явлениях... сложилось исторически. Оно имеет основание в том, что отражает в известной мере качественное различие форм движения в объективном мире (звука и света, механических и электромагнитных явлений). Некоторую роль сыграло и то, как различные явления (например, свет и радиоволны) воспринимаются нашими органами чувств [9, с. 18–19].

И далее:

Изучая звук и свет, механические и электромагнитные колебания, мы наталкиваемся на поразительную общность многих закономерностей. Развитие науки привело к тому, что все глубже познаются общие закономерности и связи качественно различных физических явлений. В связи с этим, наряду с изучением особенностей механических, акустических, оптических и других явлений, возникает целесообразность изучения всех этих явлений с точки зрения выявления общих закономерностей, свойственных этим явлениям. Такой подход позволяет выделить в качестве одного из отделов физики учение о колебаниях и волнах [9, с. 19].

Критика по жесткому варианту идет по линии противопоставления отдельных суждений классиков марксистской философии, имеющих методологический характер по отношению к физическому знанию, некоторым высказываниям автора «Колебаний и волн», нейтральных в философском смысле. Хотя бы поэтому они не могут быть объектом философской критики со стороны какой-либо философской доктрины. Никакой «волновой философии», или «философии колебаний», в книге нет, и обращение к Ф. Энгельсу или В. И. Ленину носит чисто ритуальный характер и содержательно неуместно. Более того, такое обращение некорректно, поскольку в нем происходит искажение первоисточников, неадекватная сути дела трактовка текстов «Диалектики природы» и «Материализма и эмпириокритицизма». Современный сопоставительный анализ показывает, что никакого противоречия между текстом Г. С. Горелика и текстами классиков марксистской философии нет. Налицо парадоксальная ситуация: с одной стороны, Г. С. Горелика упрекают в отсутствии философских обобщений, философской интерпретации физического материала, с другой — искусственно конструируется его философия, даже получающая свое наименование. Неэксплицированные (а может быть, и несуществующие) философские взгляды ученого вербализуются его противниками.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги дискуссии, сформулировать уроки обсуждения книги. Дискуссия в университетской газете и на заседании Ученого совета по фундаментальной работе в области естествознания, посвященная методологическим аспектам ее содержания, является правомерной и, более того, представляет собой внутренне необходимый элемент развития научного знания. Обстановка в государстве и ситуация в науке были детерминирующей средой по отношению к содержанию и форме дискуссии. Политизированная и идеологизированная атмосфера, характерная для советского государства и общества конца 40-х — начала 50-х гг. XX в., неизбежно вела к идеологизации (что отчасти произошло) и политизации (чего почти не произошло) дискуссии. Властные структуры, стоящие за дискуссией, проявляли допустимую обстоятельствами времени терпимость. Имело место стремление (в рамках определенных парадигмальных установок) дать возможность представить различные мнения по дискутируемому вопросу. В дискуссии не принимали участие философы-профессионалы, тем более специалисты по философским вопросам физики. Критика физического содержания книги и какие-либо упреки в ее недостаточном научном уровне полностью отсутствовали. Философия не использовалась в период дискуссии в качестве «идеологической дубинки» для разрешения специальных научных вопросов. Таковые вообще не обсуждались в дискуссии. Внимание было сосредоточено на мето-

логических аспектах содержания книги, на методологических вопросах представленного в ней физического знания. Некоторые участники дискуссии высказали при этом основательные содержательные идеи. Парадигмальное значение для обсуждения методологической проблематики имела марксистская философия. Но не всегда имела место адекватная сути дела трактовка философских идей, имевших в то время парадигмальное значение для участников дискуссии. Требование следования в методологических основаниях физического знания принципам марксистской философии было общим (и не могло быть иным в ситуации того времени). Реализация этого требования была неодинаковой у участников дискуссии. Некоторые исходили из вульгаризированного, неаутентичного марксизма. Другие — были корректны в трактовке основоположений марксистской философии. Различие между методологическими, философскими позициями участников дискуссии — это различие между адекватной сути дела трактовкой марксистской философии и ее вульгаризированным пониманием. Более того, с одной стороны, между знанием и пониманием марксистской философии и, с другой — жонглированием ее терминологией, апелляцией к ней как средству разрешения научных споров, не имеющих часто по своей сути философского характера. Полемика вокруг «волновой философии», или «философии колебаний», не исчерпывает собой всего содержания дискуссии. Вопрос о том, что собой представляют философские взгляды Г. С. Горелика, содержащиеся в книге, по мере разворачивания дискуссии был дополнен вопросом, какое философское содержание должно было быть представлено в книге. Дискуссия высветила не только те или иные стороны (методологические аспекты) содержания обсуждаемой книги, но и «лица» участников обсуждения, их философскую и методологическую культуру. Она включала в себя моменты научного, методологического обсуждения дискутируемых вопросов, касающихся философии физики (физика и реальность, материя и движение и т. д.). Дискуссия выявила разнообразие мнений и подходов, сосуществующих и влияющих друг на друга (можно сказать — выявила и различие в личных реакциях на ситуацию, степень личной устойчивости к происходящему), и одновременно явилась отражением противоречивости бытия советской науки, неоднозначности места и роли философии в контексте развивающегося научного знания. Форма и характер проведения дискуссии дополняют и корректируют современные представления об образе жизни советской науки конца 40-х — начала 50-х гг.

После завершения дискуссии Г. С. Горелик продолжал работать в ГГУ, заведовать кафедрой общей физики. Завершился учебный год, прошел следующий 1952/1953 учебный год. Начало же нового 1953/1954 учебного года Г. С. Горелик встретил в новом качестве — заведующего кафедрой общей физики Московского физико-технического института.

Последствия научно-теоретического характера были следующие. Во время дискуссии почти во всех выступлениях обсуждался вопрос о переиздании книги. Об этом говорил и сам ее автор, указывая на то, что учтет замечания при подготовке второго издания книги. Например: «все, что сделал Столетов, я включу в свое издание» [16, л. 47].

Новое издание вышло в свет в 1959 г. в Государственном издательстве физико-математической литературы тиражом 20000 экземпляров (уже после кон-

чины Г. С. Горелика, последовавшей в 1957 г.). Оно не было абсолютно тождественным первому. Изменения, точнее дополнения, касались в основном философских аспектов содержания книги. Это становится ясным уже из предисловия редактора ко второму изданию «Колебаний и волн», где профессор С. М. Рытов пишет: «Я ограничился несколькими небольшими вставками в основной текст, заимствованными из тех пояснений к отдельным вопросам общего характера, которые были написаны в 1953 году самим Г. С. Гореликом» [17, с. 6]. И далее следуют конкретные «адреса» (главы, параграфы) этих вставок. Их объем около десяти страниц книжного текста. Все они носят философско-методологический и историко-научный характер. Например, обращается внимание на объективный характер физического знания, диалектику его развития, природу математических абстракций, отмечается вклад русских ученых в разработку учения о колебаниях и волнах, ставится и рассматривается вопрос о том, «в чем причина того, что один и тот же математический аппарат оказывается пригодным для выражения закономерностей физически разнородных процессов» [17, с. 54] и т. д.

Может быть, эти дополнения были вызваны стремлением сделать возможным переиздание книги? Но возможно и то, что некоторые методологические вопросы, затрагивавшиеся во время дискуссии и нашедшие отражение в пояснениях в основном тексте второго издания книги, не представлялись ученому излишними, а полагались способом ее улучшения. Фактически, уже не на словах, а в виде научного текста, признавалась важность внимания к методологическим аспектам науки при разворачивании содержания физического знания. Это тем более показательно, что в период работы над пояснениями и изданием монографии было уже иное историческое время — 1953-й и 1959-й годы.

Литература

1. Кожеевnikov А. Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4.
2. Выдающиеся ученые. Нижний Новгород, 1988.
3. Сохин А. С. «Физический идеализм». История одной идеологической кампании. М., 1994.
4. Успехи физических наук. Т. 40. 1950. № 3.
5. Миллер М. А. Избранные очерки о зарождении и взрослении радиофизики в горьковско-нижегородских местах. Нижний Новгород, 1997.
6. Государственный архив Нижегородской области (далее — ГАНО). Ф. 377. Оп. 8. Д. 467.
7. «За сталинскую науку» (Орган партбюро, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткомов ГГУ). 26 мая, 2 июня 1950 г.
8. «За сталинскую науку». 15 сентября, 25 сентября 1950 г.
9. Горелик Г. С. Колебания и волны. М., 1950.
10. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее — ГОПАНО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 4018.
11. ГОПАНО. Ф. 275. Оп. 8. Д. 2.
12. «За сталинскую науку». 15 января 1952 г.
13. «За сталинскую науку». 12 февраля 1952 г.
14. «За сталинскую науку». 14 марта 1952 г.
15. «За сталинскую науку». 10 мая 1952 г.
16. ГАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 552.
17. Горелик Г. С. Колебания и волны. 2-е изд. М., 1959.